

О быте 1930-х, гендерных отношениях, атеизме, трамвайных ругательствах и путешествиях с родителями по Волге и Днепру

<https://oralhistory.ru/talks/orh-1554>

31 марта 2013

Собеседник

Родман Борис Борисович

Ведущий

Самодуров Юрий Вадимович

Дата записи

Беседа записана 31 марта 2013 и опубликована 15 августа 2013.

Введение

Первая беседа с доктором географических наук Борисом Борисовичем посвящена воспоминаниям о раннем детстве. Ученый подробно рассказывает о своих родителях, о быте советских граждан 1930-х годов, описывает свои детские впечатления о жизни в московской коммунальной квартире, вспоминает о дошкольных летних каникулах в Подмоскowie, в Весьегонске, в городах Конотопе, Лубнах и Ромнах, о путешествиях с родителями по Волге, Днепру и Черному морю, которые оставили яркие воспоминания и пробудили интерес к географии. Ученый рассказывает, как семья была косвенно связана с самыми известными женщинами революции — А.М. Коллонтай, Н.К. Крупской и Р.С. Землячкой. И, признаемся, на нашем сайте это первый рассказ о собственном зачатии.

Юрий Вадимович Самодуров: Для начала просто назовите себя. Кто вы сейчас, служите, работаете, пенсионер?

Борис Борисович Родоман: Я, Борис Борисович Родоман, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева. Это место моей службы, моё последнее пристанище, так как самую активную часть своей жизни я провел в стенах Московского государственного университета.

Детство в коммунальной квартире

Я считаю себя сыном Арбата. Родился я там, где родились все выдающиеся москвичи той эпохи, а именно в родильном доме имени Грауэрмана. И меня на извозчике привезли в квартиру моих родителей, которая находилась на Смоленской площади, точнее, в переулке, который выходил на эту площадь. Там всего было два многоэтажных дома: один тот, где гастроном знаменитый, а второй наш (вернее первый, исторически раньше построен). Смоленская площадь ещё была покрыта песком, там был рынок, были широкие бульвары, которые тогда казались очень широкими, на месте Садового кольца. На этих бульварах кое-где были даже пруды, там даже были карусели, по бульварам ещё водили слонов иногда. И такая жизнь на бульварах тянулась до самого Парка культуры и отдыха имени Горького.

Ю.С.: В каком году вы родились?

Б.Р.: Я родился 29 мая 1931 года.

Ю.С.: Где и как вы воспитывались до поступления в школу?

Б.Р.: До поступления в школу я мало общался со своими ровесниками, за исключением тех лет, когда мы выезжали куда-то — на дачу или к родственникам на Украину. Я во дворе с детьми не играл. В основном воспитание моё было примитивным.

” Для моей мамы воспитание было равноценно слову «питание», поэтому меня, хотя времена вроде были голодные, очень усиленно кормили, потому что я был страшно худым, и у меня выработался негативизм. Свойство, которое, возможно, мне потом очень пригодились в жизни, потому что я в детстве не знал нормального аппетита. А знал, что мама хотела протолкнуть в мое ротовое отверстие как можно больше пищи, и я должен был этому постоянно сопротивляться. Видимо, это сыграло какую-то роль в моем дальнейшем развитии.

Ю.С.: А состав вашей семьи?

Б.Р.: Состав моей семьи был достаточно нуклеарным: папа, мама и я. Мои родители сошлись несколько случайно, не буду углубляться в интимные подробности. Они были соседями по коммунальным квартирам. В одной коммунальной квартире на той же лестничной площадке жил мой отец, актер драмы, человек, который к тому времени уже разошелся с двумя женами. Вторая жена еще формально была его женой. Не формально (брак у них не был зарегистрирован), ну так, числилась. Но она находилась в Норвегии — секретарем у Александры Михайловны Коллонтай. А моя мама была простая, так если выразиться, женщина с Украины. Они познакомились, потому что мама пошла звонить в коридор, который связывал обе квартиры, в день своего рождения.

Ю.С.: То есть, вы жили в коммунальной квартире?

Б.Р.: Мы жили в коммунальных квартирах, мама в одной, папа в другой. У каждого из них было около пятнадцати квадратных метров жилплощади, но папины окна выходили на парадную сторону дома, где был очень красивый фасад (и сейчас этот дом очень красив, хотя балконов уже нету), а мамыны — во двор, где всё было проще.

О происхождении отца и его карьере

Ю.С.: А своих дедушек, бабушек вы помните? Застали?

Б.Р.: Понимаете, это сложная история. Я потомок, по отцовской линии, женщин, которые рождали детей от целого ряда изнасилований, мягко говоря. Они были служанками, и дело было, видимо, в Галиции, на территории Австро-Венгрии. Моя бабушка, Анна Антоновна Осташевская, полька, родной язык у нее польский. Будучи служанкой некоего Крулевского, когда ей было шестнадцать лет, с ней случилось то, что случилось со всеми девушками. Родился мой отец, который был незаконнорожденным, назывался «байстрюк». Он помнил своего биологического отца только так: ноги, которые лежали на смертном одре, когда его хоронили. Что-то в этом духе.

Не знаю, каким образом, моя бабушка, Анна Антоновна, оказалась на территории Российской империи с ребёнком на руках, моим будущим отцом. У него родной язык тоже польский. А потом она вышла замуж за Родомана, выходяца из Белоруссии. Сейчас люди с этой фамилией достаточно широко распространены в Белоруссии. Там есть даже такой директор Сновского свинокомбината и заместитель мэра города Минска... Но в годы, когда я родился, людей под этой фамилией, знаменитых, не было. В телефонных книгах Москвы, Минска, Киева они даже не числились, настолько были плебеями.

Вот, значит, отчимом моего отца стал некий Иосиф Иванович Родоман, который в городе Конотопе был столяром. Он работал в паровозо-вагонном депо, делал детали деревянные для паровозов. В паровозе около пяти тысяч пятисот деталей, но, как ни странно, есть несколько деревянных. Возможно, это были ручки, которые на токарном станке

выпиливали для рычагов и каких-то колес, не более того. Может быть, рамы окошек. Вот их делал мой дедушка. После того как они сошлись, когда он женился (почему он женился на девушке с ребенком, я этого не понимаю, и многого мы не знаем), в городе Конотопе [появилась] такая провинциальная семья. Там же родились остальные дети, которые носили ту же фамилию, если это были мальчики. Девочки потом за кого-то вышли замуж. Там было ещё детей штук пять. Это по папиной линии.

Мой отец постепенно продвигался в сторону Москвы, то есть его карьера была не только вверх, но и, так сказать, вдоль железной дороги, поскольку вся их жизнь была связана с железной дорогой. Это был их мир. Тогда вообще машинист паровозный принадлежал к местной аристократии. Местная газета писала: «К нам на фабрику приехал новый инженер». Это тогда так звучало. Естественно, что когда мой отец подрос, ему не было никакого другого пути службы, как только на железной дороге.

” Потом выяснилось, что вероисповедание у него католическое, сменить вероисповедание было проще, чем в наши дни вступить в комсомол с той же целью. В Софийском соборе, не где-нибудь, его побрызгали водой, и он превратился в православного.

После чего поступил в телеграфное училище, окончил его и стал телеграфистом. По железной дороге он скачкообразно продвигался в сторону Москвы. Сначала это была станция Навля, потом хутор Михайловский, или наоборот. А потом уже сразу Москва-II, ныне называется Москва-Сортировочная. Там мой отец продолжал работать в качестве телеграфиста, но это был уже XX век. Не слишком ли подробно я рассказываю?

Ю.С.: Нет, интересно.

Б.Р.: Ничего, да? Там он увлекся театром не только как зритель. Тогда тоже существовала художественная самодеятельность, и он постепенно становился актером по линии художественной самодеятельности. Годы революции как раз совпали со временем его перехода из железнодорожника в актеры, но закончился этот процесс уже при советской власти.

В революции мой отец участвовал несколько часов. Он, по чьему-то приглашению, стоял с ружьем, именно в дни февральской революции, где-то в районе не то Кремля, не то... что у нас на бывшей площади Свердлова, какое там здание? Музей революции?

Ю.С.: Там Городская Дума.

Б.Р.: Ага, вот там, да. Значит, там была Городская Дума, и он стоял, где положено, несколько часов, пока его кто-то не сменил. Всё, этим участие его... Второе его участие в революции было то, что он был депутат ВИКЖЕЛя. Это профсоюз, исполком какого-то профсоюза железнодорожников.

Ю.С.: Всероссийский исполком, да.

Б.Р.: Он был настоящим депутатом ВИКЖЕЛя. И к счастью для его дальнейшей жизни, был в той фракции, которая поддержала большевиков. Он мне объяснил, почему поддержала. Дело в том, что советская власть упразднила пенсии, которые давало царское правительство. Вот почему железнодорожники никак не могли полюбить советскую власть, ведь она отняла у них пенсии. А молодым железнодорожникам, так же, как и всем молодым людям нашей эпохи, было наплевать на будущую пенсию, поэтому они охотно поддержали советскую власть.

Ю.С.: Как же, а их родители? У них ведь были родители железнодорожники.

Б.Р.: Мне так говорил отец. За что купил, за то и продаю!

Ю.С.: Понятно.

Б.Р.: Могу сказать, что в моей судьбе сыграли роль три великие большевички. Первой великой большевичкой была Надежда Константиновна Крупская. Она подписала какую-то бумажку, ксиву, как говорят теперь, которая помогла моему отцу перейти из железной дороги в профессиональный театр. Кажется, эта бумага где-то у нас есть, но мой архив настолько велик, что достать там что-то сразу совершенно невозможно. А может быть, этой бумаги уже и нет, может быть, это легенда. Но факт есть факт. И в результате уплотнения буржуазии мой отец получил комнату в коммунальной квартире в этом прекрасном красивом доме пятиэтажном на Смоленской площади. Так он попал в ту точку времени и пространства, где ему надлежало встретиться с моей мамой. Значит, можно говорить о маме теперь, да?

Ю.С.: А еще две великих женщины-революционерки?

Б.Р.: Это уже сыграет свою роль, когда я буду о матери рассказывать.

Ю.С.: Хорошо.

О детстве матери

Б.Р.: Моя мама, Александра Михайловна Ткачева, родилась в городе Ромны Сумской области, ныне Украина, в семье железнодорожника, осмотрщика вагонов. Простая такая работа — молоточком по колесам постукивать. Однако он получал около сорока рублей, и этого было достаточно, чтобы в огромном количестве плодить и кормить детей. Но не всё было так просто! Моей маме было еще мало лет, может быть, три года или пять, когда ее отца, Михаила Ткачева, перевели на службу из города Ромны Сумской области в город Лубны Полтавской губернии, ныне области. В связи с этим они должны

были продать свою хату, дом, где они жили, и купить новый в городе Лубны.

Хату они продали за наличные деньги, то ли две, то ли три тысячи рублей, но не больше и не меньше, в моей памяти сохранилась эта цифра — две или три. И вот, когда моя бабушка несла эти деньги, получив их от хозяев, налетели воры и эти деньги отняли. Моя бабушка была простая крестьянка, кажется, ее фамилия была Овчаренко, и она верила в бога, и вообще все у нее было хорошо.

” Но тут она сразу разуверилась в боге, она сказала, что если бы бог был, он не допустил бы такой несправедливости. Поэтому она сказала детям: «Діточки, бога нема». И «діточки» это запомнили на всю жизнь. Так что, один из корней моего атеизма вырос еще задолго до революции, а именно в начале, в самом начале XX века.

Что касается папиного атеизма, то его атеизм был менее воинственным. Он мягко и тактично относился к верующим, на эти темы разговоры не поддерживал. Он был атеистом, так сказать, более культурным. А мама моя унаследовала от своей мамы воинственный атеизм, с желанием даже поглумиться над попами. В советское время боялась, что кто-нибудь подумает, что она верующая. Настолько боялась, что ей было бы стыдно, если бы кто-нибудь подумал, что она верующая. Она даже новогоднюю елку выбрасывала раньше 12-го января, чтобы никто не подумал, что она по старому стилю собирается встречать Новый год.

Один акт, связанный с ее атеизмом, мне очень запомнился по ее рассказам. Когда их возили на экскурсию в Киев и они зашли в те пещеры, где мощи монахов лежали, то они, девочки, нарочно плевали на эти мощи и тыкали в них булавками. Значит, пускай нас бог накажет. Но бог не наказал. Бог не наказал и в этом смысле, что моя бабушка родила десять детей. Никто не умер, все дожили, как правило, до восьмидесяти лет, за исключением одного, который в Польше пропал без вести в результате гражданской войны. Никто не умер, никаких мертворожденных, никаких забот с врачами и болезнями.

Но детей было много, и они оказались нищими в результате этого грабежа. Поэтому когда переехали в город Лубны, они не смогли купить дом в черте города, хотя это тоже была бы хата. Поселились в пригородной деревне Залёпівка, одно название которой говорило о том, что она заляпана грязью, что это грязное место. Дети ходили в школу далеко. А так как во время морозов часто отменяли занятия, а дети не знали об этом, телефона же не было, они приходили, видели, что на школе висит флаг, который означает, что занятий не будет, и возвращались домой по тому же морозу. Они жили в хате, детей всего было десять. Не знаю, сколько детей могло одновременно лежать на нарах, наверное, не десять, немного меньше, и они боролись за место с краю. С краю было как-то лучше, в середине очень жарко, и все толкались. Вообще моя мама передала мне очень много разных пословиц и поговорок, и одна из них родилась у них там, на этих нарах, где они говорили: «На краю — в божьем раю, в середине — на сраной рядныне (ряднына — это тряпка)».

Но, тем не менее, эти дети не оставались без помощи, они были в сфере благотворительности помещика Скаржинского. Помещик заботился немножко о населении. Детей приглашали к нему в имение, пускали в комнаты, они иногда там ночевали, приобщали их к культуре. Всё это чисто благотворительная деятельность. Надо посмотреть фамилию Скаржинских, в Интернете, наверное, след какой-то остался.

” Когда моя мама подросла, встал вопрос, куда ей идти. Она была смазливая, хорошенькая девушка, а отсюда вытекает что? Что карьеру трудно сделать без того, чтобы не стать объектом внимания мужчин. С этим получилось сложно.

Ее устроили, как они говорили, «магазинеркой», то есть продавщицей в магазин, в еврейский магазин. Евреи занимали свое место в городе Лубны, в его восточной части была улица специальная.

Жизнь там, в общем, была ключом провинциального города, к ним приезжал театр на гастроли. Моя мама запомнила много очень пословиц из этого театра, ярких выражений. Но к этому еще вернемся. Она поступила в магазин, но, по-моему, из-за приставаний хозяйина удержалась там всего два дня, после чего родители ее забрали обратно. И она, по сути дела, в свою бытность в Лубнах ни на какую работу не поступила, а жила на шее родителей. Она родилась в 1897 году, значит, можете себе представить, что в 1917 году ей было двадцать лет.

В детстве у нее было яркое воспоминание: отец все-таки, пользуясь бесплатным железнодорожным билетом, свозил их в Москву. Когда мама была в Москве, ей было лет тринадцать, и она почему-то очень запомнила лицеистов. В общем, о Москве она имела представление. Она помнила Храм Христа Спасителя, еще что-то, она была именно в западной части Москвы, фешенебельной, потому что это ближе к Киевскому вокзалу. Как это ни странно, и мой отец, и моя мать недалеко от Киевского вокзала оказались. Этот вокзал, через который они приехали с Украины в Москву, сыграл какую-то роль в их жизни. Он тогда, в советское время, назывался Брянским вокзалом. И Смоленская площадь — это же в пешеходной доступности от Брянского вокзала.

Тем временем прокатилась гражданская война. Старшая сестра моей мамы, Марфа Михайловна Ткачёва, которая старше ее только на два года, 1895 года рождения, уже связалась с большевиками. И как я себе представляю, но это уже легенда и моя фантазия, ее и ее любовника вели на расстрел. Любовника расстреляли. Не знаю, ее, может быть, изнасиловали, во всяком случае, она к этому легко относилась. И в результате, в конце концов, она оказалась в Москве.

Переезд матери в Москву

И вот уже году в 20-м — 21-м моя тетка, Марфа Михайловна Ткачёва, была соратницей Розалии Самойловны Землячки. Розалия Самойловна Землячка, о которой говорили, что она собственноручно расстреливала белогвардейцев, прямо так, держа в руках пистолет, она, собственно говоря, и была второй великой большевичкой, которая сыграла большую роль в моей жизни. Потому что моя мама приехала в Москву, а приехала она в Москву случайно, ей нужно было делать аборт. У нее уже был второй любовник на Украине в городе Лубны, и сестра ей написала, что приезжай сюда и лучше живи здесь. Вот моя мама приехала сюда, и когда встал вопрос, где ей жить, Марфа Ткачёва пошла к Землячке и сказала, так и так, надо мою сестру в Москве пристроить. Та спросила: «А это наш человек?» Марфа ответила ей: «Да, наш». Тогда Землячка написала какую-то бумажку, и моя мама получила комнату в коммунальной квартире. В этой коммунальной квартире, помимо остальных трудящихся плеебев, жила женщина, которая раньше была владелицей этой квартиры. Она работала в библиотеке. Не знаю, мы ее фамилии не запомнили, я, вернее, не запомнил, но она играла огромную роль в библиотечном деле, она там славилась.

” Еще хочу сказать такую вещь: коммунальные квартиры, где оставались жители из прежних владельцев, из бывших, которым оставляли одну комнату, они играли роль своего рода школы культуры для остальных трудящихся, которых туда вселили. Потому что влияние интеллигенции на так называемых трудящихся в 20-е годы было значительным, и была какая-то передача культуры.

Моя мама с благодарностью вспоминала эту даму как большой авторитет. Она пользовалась большим авторитетом в квартире, она их, так сказать, окультуривала, этих простых женщин из провинции.

Тут моя мама сразу включилась в работу, в том числе в партийную. Ее приняли в партию после смерти Ленина по призыву, как он назывался?

Ю.С.: Ленинский, наверное, призыв.

Б.Р.: Ленинский призыв, да. Она еще пела над гробом Ленина. И это не только легенда, потому что мой однокурсник Игорь Любимов в 80-х годах увидел документальный фильм, мою маму там узнал, она там была. Пели они, значит, вполне искренне, отпевали Ильича.

Моя мама проводила всю жизнь, можно сказать, жила в коммунистической партии. Выглядело это так: она была на работе (не помню, не знаю, в то время была ли суббота выходным днем, может быть была, может, потом это отменили), короче говоря, у них по пятницам было партийное собрание. У меня такое впечатление, что мама свою личную жизнь, в общем-то, справляла именно в этой среде, а не в квартире коммунальной. Она относилась легко к вопросам семьи и брака, она тоже придерживалась той концепции, что все это неважно, что по сути дела семья и брак — это буржуазные предрассудки, равно как и всякая нравственность. А она молода, и ей все это не нужно. Хотя ей уже шел тридцатый год. Тем не менее, вот случилось.

О знакомстве и взаимоотношениях родителей

Дело в том, что у меня с мамой день рождения совпадает — 29-е мая. И вот 29-го мая 1930 года моя мама пошла звонить по телефону, который висел между двумя квартирами, и принимать поздравления с днем рождения. А тут мой папа вышел и видит: женщина, которая связана телефоном, не может от него оторваться. Он ее как-то так обнял, ущипнул и поцеловал. И этот момент считается свадьбой моих родителей, никакой другой свадьбы и регистрации брака по тем временам было не нужно.

Потом наступило лето, они поехали вместе отдыхать в Крым, где один из многочисленных братьев моей мамы был ревизором вагонных весов железнодорожных. Ему подчинялись все весы Юго-восточной железной дороги, включающей Крым, Донбасс, Харьков. Все весы ему подчинялись, он без конца ездил и их ревизовал. А жил он в городе Феодосии, и в Феодосии он жил не где-нибудь, а по адресу: улица Айвазовского, дом 8, то есть это четвертый дом от дома Айвазовского и его галереи. И мои родители снимали, когда приехали туда, комнату с балконом в самом доме художника Айвазовского, у его зрителя. Зритель этого дома им, значит, уступил комнату и балкон, или чуть ли не один только балкон. На этом балконе мои родители спали, и мое зачатие произошло в сентябре 1930 года на балконе как раз этого дома, в котором сейчас картинная галерея Айвазовского. Под этим домом проходила и сейчас проходит железная дорога, а за железной дорогой пляж, не знаю, мужской или женский, но тогда и на мужском, и на женском, расположенным рядом, мы купались голышом. Это не нудистский пляж в нынешнем понимании, а просто мужской и женский, как баня. И когда поезд подходил к Феодосии или отходил от Феодосии, я всегда говорил спутникам: «Вот балкон, на котором родители дали мне жизнь».

После этого началось подобие семейной жизни. Правда, не сразу, это же я говорил только о зачатии. Дальше наступила (уже сентябрь), значит, зима. Мой отец продолжает свой холостой образ жизни. У него есть какие-то, возможно, любовницы, он ездит на гастроли. К тому времени он был актер, который играл первостепенные роли во второстепенных театрах и второстепенные роли в первостепенных театрах. Скажем, в 34-м или 33-м году он еще был актером МХАТа, но там он играл в спектакле Метерлинка «Синяя птица» не то огонь, не то хлеб, роли более чем второстепенные. А в более второстепенных театрах он играл вторые роли, в основном в пьесах Островского.

Отец продолжал свой холостой образ жизни, а мама, будучи беременной, толком не знала, считать ли моего папу своим мужем или нет, и что будет дальше. Она даже пыталась от меня избавиться.

Вместо того чтобы делать аборт как раньше, а эти аборты повлияли на ее здоровье, она решила избавиться от меня способом, который советовала соседка по прозвищу Свечка, то есть ее фамилия была Свешникова. И мама бегала вниз по лестнице по парадной части, потом снизу вверх, чтобы добиться выкидыша. Но меня убить не удалось. Таким образом, как видите, я худо-бедно почти до восьмидесяти двух лет дожил.

Когда я рождался, моего папы вблизи не было. По той легенде, которую мне рассказывали первоначально, он находился со своей любовницей в Звенигороде в доме отдыха. По другой легенде, которая уже созрела попозже, видимо, уже после смерти отца, когда моя мама стала вдовой, что нет, просто я родился преждевременно, папа не знал и опоздал — ну, не было там телефона. После того, как отец приехал, у него проснулись отцовские чувства. Начались проблемы: как кормить ребенка, как воспитывать и так далее. Тогда отец еще считался мужем Нины Ильиничны Крымовой, которая была секретарем Александры Михайловны Коллонтай и ее переводчицей. О ней есть сведения в Интернете, это вторая жена моего отца. Она переводчица Мартина Андерсена-Нексё, а также еще ряда книг с датского и норвежского языка. Она ему написала письмо, в котором сказала: «Борис, видимо, мы уже с тобой вместе никогда жить не будем». В общем, она дала благословение.

Детские воспоминания о Смоленской площади и метро

Первый период моей жизни называется «Смоленский», потому что мы жили около Смоленской площади до 1936 года, то есть первые пять лет моей жизни. Тут, конечно, очень яркие воспоминания. Сама Смоленская площадь, которая вначале была просто рыночной площадью, покрытой песком. Там я пускал какие-то самолетики бумажные, которые в этот песок падали. Там, на торце бульваров, стояла пивная, с большой русской печью, с толстыми стенами, где в качестве закуски подавали соленые сухарики, печёное яйцо, я помню, как-то попробовал, выпеченное в русской печи. Однажды, когда мы пересекали Смоленскую площадь, увидели, как на боку лежит мужик, прижимая к своему животу вывалившиеся кишки. Все были в ужасе и спорили, это его кишки или не его. Оказывается, это кишки не его были, он купил их в мясном ряду, но упал, будучи пьяным. Такие вещи не забываются. Потом, то ли я сам помню, то ли уже по рассказам, как-то соседская девочка Нануша, которая нянчилась со мной (ей было двенадцать или тринадцать лет), видимо, у нее проснулись какие-то материнские чувства. Она меня очень полюбила (она не была нашей наемной нянькой). Ей, видимо, разрешили меня выгуливать, и она меня вывалила из коляски на Арбате. Это та часть Арбата, дальняя, которая сейчас примыкает к Министерству иностранных дел. Как сейчас помню этот квартал. Мне кажется, что я себя помню из коляски вывалившимся, но я в этом не уверен.

Еще из ранних воспоминаний, когда строили метро открытым способом, и старый Арбат был сплошной гигантской траншеей. Потом я помню первый пуск троллейбуса. Не уверен, что это был первый пуск троллейбуса во всей Москве, но точно это был первый маршрут троллейбуса второго. Эти троллейбусы в виде коробки, они тогда были совершенно не обтекаемые, черные такие коробки, двери открывались вручную. Они шли от центра, а народ стоял по сторонам, огромное количество людей смотрели на это.

Вообще тогда ко всему относились очень серьезно, ко всем новшествам. И все такие вещи были общенародными праздниками, включая день открытия метро.

Когда я в первый раз спустился в метро, на нашу станцию «Смоленская», мне, прежде всего, запомнилось, что там внутри торговали конфетами. Продавался фигурный шоколад, и мне шоколадка в виде рыбки была куплена. Еще очень часто там продавались конфеты — двойные ириски и так далее.

Конечно, я потом тщательно историю московского метро запоминал. Не уверен, что это был именно день 15-го мая 1935 года, когда метро открылось, или это был день открытия только нашей линии. Но мне очень понравилось метро, и в детстве я мечтал перенести его в свою комнату, чтобы у меня тоже ходили поезда метро. Вообще я всю жизнь очень люблю железную дорогу, и сейчас в том числе. Это мое хобби. Особенно я люблю трамвай и узкоколейную железную дорогу, это для меня просто вторая моя любовь в жизни после того, что может быть первой. И так как я ребенком еще плохо представлял себе масштабы пространства, мне казалось вполне естественным, что в натуральную величину поезд и железнодорожный путь могут поместиться у меня в комнате. Точно так же помню, что как ребенок я не представлял себе размеры многих вещей. Мне казалось, например, что Луна имеет диаметр около тридцати сантиметров, то есть такой вот *(показывает)*.

Семейный быт, переезд на 1-ю Мещанскую улицу

Мои родители, еще не регистрируя брака, с каждым годом убеждались, видимо, что они будут и дальше жить вместе. Хотя можно сказать, что моя мама была для отца женой типа прислуги, потому что тогда быть актером — это статус такой, в общем-то, полунинтеллигентной профессии. А человеку того времени, если представить его жизнь в тогдашнем быту, должен же кто-то рубашки гладить (они же должны быть белыми каждый день), кто-то должен ему готовить обеды. Все это было так сложно в те времена. Более-менее культурный человек, интеллигентный, обязательно имел хотя бы домработницу, и даже у нас, при нашей бедности, были няньки в первые годы, пока мама еще работала на фабрике. А мама работала на швейной фабрике и еще продолжала активную жизнь в партии.

Но потом ей не удалось это совместить, и она из партии выбыла автоматически, без всяких репрессий, без всего. Но там очень жалели ее отпустить, потому что мама хотела... Она любила всех людей обвинять и была, в общем-то, довольно склочной в коммунальной квартире. Она часто кричала теткам: «Вы не имеете права!», когда гремела кастрюлями. И она хотела быть судьей или прокурором, то есть ее мечта была карать, карать врагов.

” Я совершенно уверен, хотя история не имеет сослагательного наклонения, что если бы такая тетка, как моя мама, не погрязла в мелкобуржуазном быту, как тогда говорили, то есть не стала просто домохозяйкой, женой актера, она могла бы именно по этой линии продвигаться. Закончила бы партийную школу и терзала бы таких людей, как я, в 60-е годы, в 50-е.

Но судьба сложилась иначе, она стала домашней хозяйкой, и этим жизнь ее была в какой-то мере загублена, потому что после этого она редко куда-либо выезжала, кроме как к родственникам на Украину. А я все больше и больше путешествовал. И вот, наконец, мои родители решили, что им лучше съехаться вместе.

Да, о третьей большевичке. Это Александра Михайловна Коллонтай, которая забрала Нину Ильиничну Крымову, вторую жену моего отца, к себе надолго в скандинавские страны. Таким образом, мой отец мог сойтись с моей мамой. Вот эти три великие большевички сыграли положительную роль в моей жизни. Если бы не было этих событий, не было бы и меня.

Значит, мои родители решили съехаться, вместе жить в одной квартире. Для этого они обменялись с неким Мищенко, который жил на проспекте Мира по-нынешнему, по-старому — улица 1-я Мещанская, дом 47, квартира 17, на левой стороне 1-й Мещанской, ровно посередине между Садовым кольцом и Крестовской заставой. На концах этой улицы были видны башни. На южной стороне Сухаревская башня, хотя, возможно, она была не видна, так как стояла немного восточней перекрестка. На северной стороне были видны Крестовские башни. Вы, Юра, знаете, что это такое? Это связано с водопроводом Мытищинским. Стояли две башни, как бы водоапорные, между ними какой-то железный мостик, и они были воротами въезда в Москву с севера. Это там, где сейчас Рижский вокзал. Их потом снесли.

Вот съехались в этой коммунальной... Мищенко, видимо, разъехался, мы оказались в коммунальной квартире в очень неравных условиях с соседями. У нас были две большие светлые комнаты, в которых раньше жил хозяин, а остальные люди жили в комнатах, за исключением одной, в которых раньше жила прислуга. Обычная история для коммунальной квартиры. Там люди плодились и размножались, каждая семья жила в маленькой комнате не больше двенадцати метров, ну, может, четырнадцати. И, конечно, отношения у нас с соседями стали сразу же плохими... пошли кухонные войны. Интересно, что при этом я почти не контактировал со своими соседями, потому что стены были очень толстыми. Вот, например, этот дом шестиэтажный. Таких домов в Москве было несколько, они все как бы одной серии, построены одним архитектором, в одном стиле. Несущие стены кирпичные, на первых этажах стены толще метра, у нас на третьем этаже около метра, а на шестом уже потоньше. У нас были широкие окна, широкие подоконники, например, на подоконнике вполне можно было расстелить постель и спать. Ширина пятьдесят сантиметров, подоконники из чистого черного мрамора.

Я был ребенок комнатный и проводил все время в комнатах. Мы поселились, и моим родным районом стал район 1-й Мещанской. В те годы еще не было планов Москвы (они были засекречены), и я просто по памяти когда-то составил план всего этого района, который очень совпадает с настоящим, его можно найти. Так, значит, мы дошли до 36-го года.

” Наша бедность выражалась, например, в том, что отец так и не смог купить себе ручные часы. Они стоили тогда примерно столько же, сколько зарплата. Тогда с зарплатой можно было сравнивать всё, костюм столько же стоил, или один пиджак, или одно пальто.

История была такая, что если ты от зарплату что-то оторвал, по кусочку от каждой, то на сумму, равную зарплате, покупаешь себе костюм, а на пальто уже денег нет. А когда покупаешь пальто, костюм к этому времени уже порвал.

Зимние шапки, ушанки, мы носили тогда. Шапки-ушанки считаются чисто русскими, на самом деле их придумали финны, и они распространились в нашей стране в годы революции только. У шапок-ушанок, изобретенных финнами, кожаный верх, а сейчас положено, если шапки такие кто-то еще носит, верх меховой. У нас на меховую шапку никогда денег не было, шапки были ватные, с меховой оторочкой. Пальто были зимние и летние. Зимнее пальто было ватное, такое мешковатое. Летнее пальто было на ватине, какая-то подкладочка. Нет, не летнее, а демисезонное. Летом люди, кроме глубоких стариков, пальто не носили. Обязательно поверх обуви надевались галоши. Женщины носили платья не такие длинные, как до революции, но до колен или немного выше колен, если молодые. Проблема всегда была с одеждой: одежда была очень дорога, и одеться прилично никогда не удавалось.

Что касается еды. Поскольку я ненавидел всякую еду, а меня всегда пичкали, кормили (несмотря на это оставался страшно худым), то я от отсутствия еды не страдал. Но из дореволюционных продуктов запомнил некоторые. Тогда был очень маленький ассортимент, хотя когда я читаю «Книгу о вкусной и здоровой пище», она у меня здесь, вон она лежит, еще сталинских времен, так там очень богатый ассортимент продуктов. На самом деле мы помним, например, из сыра два-три сорта. Один назывался бакштейн, другой как-то еще... голландский, голландский и бакштейн.

Из хлеба я помню, помимо просто черного и белого, плетеную булку — халу, еврейского происхождения, которая была переименована в годы борьбы с сионизмом, и французскую булку, которая в годы борьбы с низкопоклонством иностранщине и космополитизмом была переименована в городскую булку. Торты и пирожные. Пирожное — это все равно, что торт, только кусок, кусок торта — это пирожное. Я любил больше фруктовое пирожное. Икра, красная и черная, не была для нас

редкостью. Это не значит, что мы ее часто ели, но по праздникам или по какому-то случаю она была, это не бог знает что.

В 39-м примерно году, 40-м, был пик обилия крабов в консервных банках, это были настоящие крабы, не имитация, как сейчас. С этим было все в порядке. Из кондитерских изделий кекс, турецкие хлебцы, тоже что-то вроде кекса. А дома меня мама кормила в основном котлетами, которые делались из мяса, из говядины, и жарила она их на сале. Сало играло большую роль в нашем питании. А котлеты какие-то соленые, на сале, они мне очень надоедали. Гарнир какой? Картофель, макароны. Из спиртных напитков мы знали очень мало что, водки у нас в семье никто не пил, из красных вин был известен кагор.

Первая новогодняя ёлка

Ю.С.: А какие-то семейные праздники, гости?

Б.Р.: Не могу сказать, чтобы у нас особенно были распространены семейные праздники. Новый год мы встречали. К Новому году покупали елку большую (маленькие елки моя мать презирала, она просто их ненавидела). Маленькие елки и людей, которые их покупают, она почему-то презирала, поэтому покупали самую большую елку, она была все же меньше человеческого роста, стояла на крестовине. Первая елка в моей жизни была, кажется, при встрече 35-го года, если не ошибаюсь. Для меня это было полной неожиданностью. Это было еще на Смоленской площади, потому что мы переехали 9-го мая 1936-го года на Мещанскую улицу.

Значит, меня не пускали в папину комнату (что было просто — меня не пустить, потому что она была в другой квартире) под предлогом, что там поселился какой-то дядя, и вроде даже какой-то дядя с кривой ногой или что-то в таком духе. Наконец, меня туда пустили. Действительно, это было потрясающее зрелище! Это было, конечно, для меня очень... Елочные игрушки все были дореволюционные.

” Меня особенно удивляет чудо новогодних елок вот в каком смысле. Все знают, что они были как бы запрещены в советское время, в начале. До 35-го года это считалось пережитком религиозным. И вдруг их сразу разрешили.

Причем, эта знаменитая статья, которая, говорят, была инспирирована самим Сталиным (но подписана вовсе не им, это известно, кем, каким деятелем), где было разъяснено трудящимся, что это вполне допустимо. Так вот, буквально на следующий день (она вышла за несколько дней до начала Нового года, не больше недели) откуда-то появились все эти елки? Откуда? Так же вот, когда был объявлен НЭП, на следующий день все товары откуда-то появились, как из-под земли. Но это было при Ленине. А тут при Сталине, такая картина — елки, и началась эта вакханалия новогодняя, которая вначале, конечно, была очень трогательной и красивой, но сейчас, по-моему, детям она уже давно приелась.

Ну вот, я вошел в папину комнату, увидел игрушки и всё... Чтобы развеселить меня, плясал папа около этой елки, он был гораздо более живой человек, чем я. Я был всегда скованный, мало шевелился, мало. А отец мой, все-таки как актер даже акробатику изучал, мог прыгать. В общем, он стал плясать передо мной. Но интересно, что самого момента встречи Нового года в детстве я не помню. Дело в том, что двенадцать часов ночи было такое время, когда ребенок должен спать. Это было какое-то такое время, совершенно загадочное и неизвестное ребенку. Я никогда не помню себя ночью. Возможно, что я ночью просыпался, или на горшок или что, меня полусонного, может быть, даже водили, но не помню никогда никакой полночи, этого времени в моей жизни в детстве никогда не было. Как родители встречали Новый год без меня, не помню, меня укладывали спать раньше. Это была первая елка.

На проспекте Мира, который тогда назывался 1-й Мещанской, елки всегда устраивались, и были попытки кого-то пригласить из детей. С детьми у меня, в общем-то, контакты были слабые. В соседней комнате жила девочка Зина моего возраста, возможно, мы ее приглашали, но потом у нас отношения с соседями по коммунальной квартире испортились, установилась такая вражда, что я с этой Зиной тоже не общался последующие несколько десятков лет. Но помню, что когда мы встречали 37-й год, а может быть 38-й, скорее всего 37-й, я вообразил себя влюбившимся в девочку Галю из того же двора. И сказал родителям, что люблю Галю и хочу, чтобы ее пригласили на Новый год, то есть не на Новый год, а на елку. Ее пригласили. Тогда я написал первое в своей жизни любовное письмо: «Галя, я тебя люблю». Но тогда я еще не знал тонкостей, поэтому у меня, кажется, было написано «Гала». Но буквы были разноцветные. Дело в том, что у меня все буквы алфавита имеют разный цвет. Есть такая особенность: все цифры, все буквы, все соседние даты окрашены в разный цвет. Таким образом я представляю себе время и пространство, но это особая тема для разговора. Я потом могу это объяснить, оно у меня сохраняется и сейчас. Поэтому буквы я всегда рисовал разными карандашами: «А» всегда была красная, «Г» всегда была темно-синяя и так далее. Такая была у меня вторая как бы любовь в жизни. А первой любовью была некая Ниночка, которой было три года, а мне было семь лет, когда мы ездили... Это же особая тема — как мы проводили лето! Мы же не сидели в Москве, мы же всегда куда-то ездили. Не знаю, надо ли углубляться?

Летний отдых на подмосковных дачах

Ю.С.: Ну, и как вы проводили лето в детстве?

Б.Р.: Лето мы проводили, как положено людям нашего социального слоя. Мы тогда, как ни странно, в масштабе коммунальных квартир могли считаться средним классом того общества. Все-таки у отца моего была, хотя и условно, но интеллигентная профессия, он ходил в шляпе, носил пиджак, галстук.

Должен вам сказать, что примерно до 50-х годов у нас люди интеллигентные и прочие настолько резко различались по внешнему виду, что даже в бане их невозможно было перепутать. Не могу сейчас объяснить эти признаки, но тогда для меня абсолютно четко люди делились как бы на два класса.

Я никогда в жизни не слышал никакого мата до одиннадцати лет, потому что ни извозчики, никакие-то мужики при образованных, при интеллигентных людях не матерились. Не мог услышать эти слова от них, они все держались как-то отдельно. Если мой отец актер, значит, он уже из другого социального слоя. И конечно, нам завидовали соседи, мы считались как бы интеллигентными. Хотя моя мама, строго говоря, простая баба, не крестьянского, правда, сословия, а мещанского, до революции. Мой отец, наоборот, как это ни смешно, был крестьянского сословия, потому что выходцы из Белоруссии все по сословию были крестьяне. А мама у меня была до революции мещанка.

И вот, проводили мы очень даже закономерно каждое лето. Летом нам полагалась дача, всем людям нашего социального слоя обязательно ребенка надо вывозить за город. Значит, первое лето, когда я родился, 31-й год, никуда не выезжали, я провел его в Москве. Дальше 32-й год — это Баковка под Москвой. Вы знаете, где Баковка?

Ю.С.: Слышал, но как-то не представляю.

Б.Р.: Сейчас это сразу за кольцевой дорогой. Прямо на Можайском шоссе дом стоял. Но движение было слабое, и говорят, что я выбегал прямо на проезжую часть, за автомобилями гонялся и кричал: «Абиль, абиль!». То есть тогда я еще, видимо, как и подобает младенцу, любил автомобили. Сейчас я их ненавижу. В Баковке это почти все, что я помню! Дом стоял около шоссе, 32-й год.

33-й год. Мы поехали в гости в Весьегонск к помещику Торшилову. Какой помещик, почему в 33-м году? А вот почему. Настоящий помещик, у которого еще не конфисковали его дом, потому что крестьяне за него заступились, 37-й год еще не наступил. Я уверен, что в 37-м году у него уже ничего не осталось. Но это был еще не 37-й год. Это еще был год 33-й, когда некоторые люди могли попасть в советскую тюрьму, а потом из нее выйти. Вот Давид Львович Арманд, один из моих учителей географии. Его арестовали за то, что он отказывался служить из-за своего пацифизма в Красной Армии, хотя во время Отечественной войны он, наоборот, пошел добровольцем. Ну, и так далее, известные истории... Тогда еще это было возможно.

Как сейчас помню: деревянный двухэтажный дом, перед ним какой-то палисадник, какой-то забор. Вот отец приезжает к нам в гости из Москвы и привозит гостинцы. Это была сметана и конфеты... ох, кругленькие такие, типа постного сахара, вроде подушечек, но только круглые. Это все, что мне запомнилось. Помещик Торшилов... им оставили их земельный участок, а жена его вступила в колхоз. На этих условиях за ними оставался дом, но, я думаю, это было недолго. Думаю, что в дальнейшем мой отец ничего не знал о его судьбе, ибо тогда интересоваться не принято было людьми. Значит, Весьегонск. К сожалению, ничего об этом городе я не помню, и в поздние годы я там не был, хотя в окрестностях был сравнительно недавно. 33-й год это был, да?

34-й год. Под Москвой, Сходня. Как сейчас я себе представляю, электричка проезжает долину реки Сходни, где горнолыжники катаются, и дальше, немного налево, стоял дом, довольно большой, там, видимо, много людей жило. Может быть, даже барачного типа, и мы там снимали какую-то комнату. Там был сад, есть фотография — я с мамой в гамаке. Из этого [времени] я запомнил первый в моей жизни гриб. Мы ходили собирать грибы, видимо, в той же долине реки Сходни. Помню, такой беленький с красной шляпкой, очень красной. Вот что запомнилось от Сходни. Дальше у нас какой год?

35-й. Клязьма. Поселок Клязьма под Москвой. Дом этот я и сейчас часто вижу, проезжаю, хотя точно не помню, который из двух домов. Там мы поселились в 35-м году. Но тут случилось несчастье: я заболел тяжелой болезнью вроде скарлатины. Дело в том, что на майские праздники 35-го года мы прокатились на пароходике от Киевского вокзала до центра Москвы. И там, говорят, меня продуло, я простудился или что-то такое и после этого заболел. Сначала мы благополучно поселились на даче на Клязьме, но я прожил там недолго. Уже в конце мая меня в Москву срочно увезли, в больницу. У меня была скарлатина с осложнением на уши, и была трепанация черепа. Мне удалили за ушами там чего-то очень много, и сейчас у меня большие ямы за ушами.

Помню, как меня оторвали от родителей, как положили в эту больницу, но больница была хорошая — Сокольническая. Она и сейчас существует, чуть дальше станции метро Сокольники. Положили меня туда, видимо, я лежал на первом этаже.

Моя мама была все-таки достаточно грубоватой бабой, и мой отец, все-таки плебейского происхождения, иногда допускал... У нас была такая иерархия ругательств, которые мы использовали в общении, прежде всего с соседями по коммунальной квартире, а также с пассажирами общественного транспорта, потому что трамвай, автобус, троллейбус примерно до 50-х, 60-х, а может быть, даже до 80-х годов нашего столетия был местом непрерывных скандалов, где люди без конца друг друга обзывали. Все-таки прогресс есть, сейчас этого я не слышу. А тогда это было очень даже распространено!

У нас была такая иерархия ругательств: самое страшное — это «сволочь», в моем, конечно, понимании (я же с детства был склонен к классификации), а в моем понимании «дурак» — самое безобидное. Между ними было наше фирменное семейное ругательство «хамуидол». Я даже хотел написать воспоминания об этой эпохе своей жизни под заглавием «Хамуидолы». Я помню, что даже в 50-х годах или 60-х мой отец все-таки кого-то в трамвае обозвал этим словом, «хамуидол», а обозванный оказался интеллигентом и сказал: «О, какое интересное слово! Как странно, „хам“ плюс „идол“! Как это остроумно!» Отец тут устыдился, его начала терзать совесть: как же так, он культурный человек и допустил такое. Пришел и рассказал маме, мама ему тоже говорит: «Борис, ты же интеллигентный человек, актер, как ты мог!» Вот вам примеры сплыва, так сказать, народной культуры с интеллигентской...

Ю.С.: А какие книжки дома, газеты?

Б.Р.: Ну, конечно же, боже мой!!! Можно без конца об этом говорить! Я весь продукт книжной культуры, читал, как только мог. Как я научился читать? Это выясилось 29-го мая 1936 года, я уже из больницы благополучно вышел... Мы опять поселились в том же месте на даче в 36-м году. И 29-го мая 36-го года, сидя под столом, как сейчас помню, я вдруг начал вслух читать что-то, возможно, букварь. Никакого чтения по складам не помню, обнаружилось, что я умею читать уже полностью. Мне был подарен букварь, вокруг меня были книги, и я как-то сам до всего дошел. Но надо еще сказать, чем кончилось пребывание в больнице. К счастью, я там выжил! Мои родители уже меня похоронили мысленно.

Ю.С.: Как выжили? Почему вас похоронили?

Б.Р.: Мои родители, оказывается, к тому времени уже привыкли, что у них есть ребенок, и уже не представляли себе жизни без ребенка. Поэтому они кинулись делать нового ребенка, не дожидаясь, пока я умру. Некоторые из моих подруг нынешних говорят, что это как-то даже цинично. Но ничего не получилось. Дело в том, что моя мама все-таки оказалась жертвой абортов, которые были у нее раньше. Она делала аборты до моего рождения, но я же родился. А после меня она уже не могла зачать ребенка.

Что касается меня, временами я тоже жалел, что у меня нет маленькой сестры, потому что мне некого было любить, а также некем командовать.

А если бы у меня была... Все-таки потребность доминирования была, доминировать мне было не над кем: я всегда был ниже всех, самым слабым, хотя и протестующим без конца. А то, что жизнь была довольно склочной и не вызвала у меня уважения к моим родителям, это дело, оказывается, второстепенное. Но моя мама в конце жизни признавалась: «Ну что же, я же была для вас прислужгой!» Это был такого типа брак. Отец ездил на гастроли, но он очень гордился тем, что у него ребенок появился, потому что от первых двух жен у него детей не было. Может быть, думали, что у него их не может быть. Поэтому, когда я родился, он стал меня водить к своим бывшим подругам и показывать, что вот, мол, смотрите. Я его вполне понимаю.

Чтение книг и газет

Теперь о чтении. Конечно, мне в детстве читали книги, но потом я сам стал читать. С этим обстояло дело хорошо, было много детских книжек, которые положено читать детям. Вот, например, книжка про Днепрогэс, там «Человек сказал Днепру: я стеной тебя запру. Ты машины будешь двигать...», и так далее. Все это принималось всерьез, и Днепрогэс уже был мне известен как великая стройка. Эпопея челюскинцев, которая отражалась по радио, у нас же было радио, не приемник конечно, а репродуктор. Трансляция эпопеи челюскинцев вся запомнилась. Испанская война, по газетам. Уже со времен испанской войны, с 36-го года, я читал газеты. Помню, как у своей тетки, старой большевички, впрочем, не такой старой, она только с 19-го года в партии, я читал газету с описанием процессов. Там была такая статья «Радек под пыткой». «Прокурор меня буквально пытал», — говорит Радек. На самом деле он говорит не о настоящей пытке, но он там, конечно, признается во всех своих грехах. Как к этому относились тогда? Это воспринималось всерьез, но никогда в домашней обстановке не обсуждалось. Читают и всё! Все люди читают, видят, да, но между собой не обсуждают.

Детские книжки... наряду с детскими книжками какие-то взрослые книги. Одной из моих любимых детских книг, с которой у меня связаны воспоминания о 37-м годе, когда мне было шесть лет, это книга «Три поросенка». Почему она мне нравилась? Это же настоящие диснеевские рисунки (*показывает книгу!*) Сейчас, поскольку права не куплены, у нас «Три поросенка» издается с другими рисунками наших художников. Я их не признаю, признаю только эти. Они сыграли огромную роль в моей жизни! Дело в том, что это, как я ее называю, контурно-фоновая живопись. Она состоит только из контуров, монотонно залитых краской... Контурные, и больше ничего. И мои картоиды тоже построены по этому принципу. Потом, когда мы вернемся... Видно это?

Ю.С.: Сейчас чуть-чуть...

Б.Р.: А книги написаны... кто же автор? (*открывает книгу*): «Текст и рисунки студии Вальтера Диснея». Тогда еще так писалось. «Перевод и обработка Сергея Михалкова». Впоследствии Сергей Михалков уже стал автором этого текста. Постепенно переводчики превращались в авторов.

Дальше, если приблизиться к дошкольному возрасту, появились книги научно-популярного характера. Уже примерно в семилетнем возрасте я прочитал книгу Куна «Что рассказывали древние греки о своих богах и героях». Эта книга есть у меня и сейчас, она лежит в библиотеке моей жены Татьяны, доктора философских наук, она ею пользуется. Книга эта выдержала несметное количество изданий, но и сейчас я восхищаюсь ею. В обработке для детей и вообще для юношества — как тонко оттуда был убран секс! Ведь по сути все же держалось именно на этом. Тем не менее, можно было подать всю древнегреческую мифологию таким образом, что ребенок не догадался вообще о существовании секса. Вот это я прочитал.

Теперь по линии грамотности. Году опять-таки в 37-м мы с отцом гуляли вечером (он любил ходить со мной на прогулки по Москве, они мне запомнились) в центре. Мы проходили мимо отеля «Метрополь», там были фонари, на фонарях надписи «HOTEL METROPOLE» по-французски. Я спросил у папы: «А что это буквы какие-то [странные], не совпадают?» Он мне объяснил. С того дня я уже знал латинский алфавит. Я пришел домой, у нас же были все эти словари, справочники (они за головой у тебя на книжной полке и сейчас стоят), вот словарь 27-го года. И я уже знал этот алфавит. В восемь лет я знал греческий, древнегреческий алфавит, причем знал его лучше, чем сейчас, потому что все время забываю строчные буквы, а тогда их знал. С заглавными буквами проблем нет. Потом я стал придумывать свои алфавиты. Я тебе показывал свою тетрадь, в которой все это есть? Я придумал алфавиты древнекошачий, древнесобачий, готический шрифт уже стал осваивать.

К поступлению в первый класс я не только умел читать полностью, но и был грамотным, потому что при чтении меня не столько интересовало содержание, сколько то, как это написано, какими буквами, какими словами.

Так что у меня не было проблем с правописанием, оно изначально в меня внедрялось. Кроме того, в те годы большая часть книг в нашей библиотеке была написана на старой орфографии, поэтому у меня сейчас не вызывает проблем, где пишется «и» восьмеричное, где «і» десятеричное. Я просто не могу понять чудовищной безграмотности современных людей, которые этого не понимают, их это не интересует, они ставят эти буквы, где попало.

Ю.С.: Собственно говоря, дошли до поступления в школу.

Поездки в Конотоп и Лубны

Б.Р.: Но все-таки, прежде чем говорить о поступлении в школу... Мы же не закончили тему выездов! А в дошкольном возрасте у меня были значительные путешествия, без которых бы я не сформировался как географ. Значит, мой отец, как я уже сказал, был актером второстепенных театров. И он был в ведомственном Театре речного флота. Это очень важно. Когда мой отец был актером Театра речного флота, мы подружились с реками и водным транспортом, которые сыграли огромную роль в моей жизни.

Правда, перед этим, в 37-м году, я еще был более-менее стационарно на Украине, в городе Конотопе у своего дяди, о котором я написал особые воспоминания. Он стал коллаборационистом и закончил свою жизнь как перемещенное лицо в Америке. Я говорил об этом, это особая история, наверное, сейчас не стоит в нее влезать. Но в 37-м году я приобщился к современной технике, потому что дядя был преподаватель геодезии в железнодорожном техникуме. А его жена, Клара Максимовна, была бывшей медсестрой кайзеровской армии, поэтому немецкий язык у них был почти родным.

Он все время по радио слушал речи Гитлера, у него были мотоциклы, которые менялись каждый год, собаки, которых он дрессировал нагайкой. От него я узнал многое о технике, познакомился с фотолабораторией, со слесарным делом (у него была дома хорошая слесарная мастерская). Разные там патефоны, новейшие чудеса той техники. От дяди я узнал о существовании телевидения, хотя тогда телевидение было только экспериментальное, экран величиной со спичечную коробку. Так что, все это яркое было в Конотопе, когда я впервые уже один бегал по улицам (провинциальный город допускал такую возможность). К тетке бегал есть борщ, в соседний квартал.

Однажды, я был в гостях у тетки, проглотил кусок вареного сала в супе, которое меня очень испугало, я выскочил из-за стола и бежал два километра в дом своей бабушки.

Помню, как мы выезжали на пикник с местной элитой на машине марки «Форд». Как мы в лесополосе (или тогда еще лесополос не было?), но около оврага, где был лес, ели мороженое, изготовленное там же, на месте, из молочной массы путем кручения ручки. Там возникал лед, что-то там солили, лед с водой, в общем, всё это существовало в то время. Вот город Конотоп.

А в 38-м году мы приехали с мамой на Украину уже в город Лубны к ее родственникам. Там мы жили только половину лета, и я первый и последний раз видел своего дедушку, которому было ровно восемьдесят лет. Он умер в 40-м году, к счастью, не дожил до войны. Он жил с 1860-го по 1940-й со своей второй женой.

Моя бабушка — жертва голодомора. Она родила десять человек детей, и всё было хорошо. Но когда на Украине начался голод, она очень пострадала. Как-то моя мама не догадалась ей прислать продовольственную посылку или еще чего-то. Это очень странно выглядит, очень странно: «Да, вот мы как-то не подумали». Ей, так сказать, позволили умереть с голоду. От последствий голода она умерла в 36-м году. А за несколько лет до этого мой дедушка отказался с ней жить, потому что не признавал противозачаточных средств. Да, жестокая жизнь была! Он не признавал противозачаточных средств, а она сказала, что больше не может рожать детей.

Путешествие по Волге

Наше пребывание в городе Лубны было прервано приездом отца, который забрал нас в путешествие. Он на гастроях совершал плавание на барже, на пассажирской барже «Немирович-Данченко». Специально была для актеров построена пассажирская баржа, она отличалась от нормального парохода тем, что там не было двигателя. Такие же каюты, такой же салон кают-компания, те же два этажа палубы, так что тот, кто помнит это время, легко может себе это представить. Но не было ресторана, был камбуз, то есть кухня. Актеры со своими женами путешествовали, баржа шла от Архангельска до Астрахани. Отец уже прошел без нас от Архангельска до Астрахани на этой барже по водным путям и по каналам. Как называется эта система, я уже не помню.

И он нас вызвал к себе. Мы с мамой прервали свой отдых на Украине, приехали в Москву, не ночуя, сели в мягкий вагон и ехали с утра до вечера до Горького, который теперь и раньше назывался Нижний Новгород. Вечером отец нас там встретил. Я помню нижнюю сторону Нижнего Новгорода, Сормовскую, где вокзал, где трамваев очень много длинных. Он привез нас на эту баржу. Мы на ней шли два месяца с гастроями до Сталинграда, ныне Волгоград. Тут-то и зародилась моя любовь к путешествиям.

Два месяца я любовался Волгой, стоял на палубе баржи. В каждом городе гастроль продолжалась не менее двух недель. Это были Казань, Саратов, Куйбышев, Балаково и Сталинград. Казань я, правда, не видел. Тогда река Волга (вообще, изначально Казань была далеко от Волги) от нее отошла. Ходил трамвай, который, видимо, был сезонным, его убирали на время половодья или еще что-то. Но меня не возили в Казань. Мама была домоседка, поэтому Казань я не видел. Жил просто на барже эти дни.

А остальные города все мы видели. Больше всего мне понравился Саратов, потому что он казался очень аристократичным и культурным, много было красивых зданий, все было от него в восторге. Что касается Куйбышева, который теперь называется Самарой, он показался нам очень пыльным, с невзрачными обветшавшими старинными зданиями. Там с моим отцом случилось несчастье. С желудком что-то было — результат его увлечения голоданием до революции.

До революции он увлекался и голоданием, и йогой, и отдельным питанием, всем-всем, чем запудрены умы нашей интеллигенции конца XX века, всё было и тогда, и вегетарианство.

Слишком он переборщил с голоданием и чуть не умер. Поэтому не случайно я скептически отношусь ко всем этим увлечениям. Но мы благополучно все-таки... Мне больше всего запомнился трамвай в городе Куйбышеве, в нем прицепной вагон был открытым, то есть боковых стенок не было, только навес, что очень хорошо летом, приятно ехать. К папе в больницу ездили куда-то далеко. Потом был город Балаково, который я почти не помню.

Но вот дыхание Азии! Верблюды! Ведь уже начиная с Куйбышева верблюды появлялись, сейчас их там нет. Верблюды были обычными на улицах в районе пристани в Сталинграде. Но Сталинград совершенно, как бы это сказать, от Волги был отгорожен всякими пристанями. Как я пишу сейчас в своих работах, тогда Волга была труженица, она работала. А сейчас она отдыхает вместе с людьми, которые отдыхают на ее берегах. Сейчас она выключена, по сути дела, из народного хозяйства, а тогда было не до отдыха. То же самое и в Горьком, и в Нижнем Новгороде, везде дебаркадеры стоят, пристани, какие-то заводы, везде грузчики.

Интересно, как грузчики тогда носили грузы на спине. Они шли вереницей, слегка согнувшись, мешок свободно лежал у них на спине. Поддерживала его, «крошны» что ли она называлась, какая-то такая перекладина. Они очень ловко мешки по пятьдесят килограмм, если не по сто, себе взваливали, конвейером шли — очень красиво. Я подобные вещи видел только в 98-м году в Стамбуле, где в центре Стамбула еще сохранились старые грузчики, старики лет семидесяти, их там фотографируют туристы.

Вот это Волга, значит. Мне запомнилась Волга до того, как она стала цепью водогноилиц. Эти запахи, эта рыба, эти баржи с мукой, так все это интересно. Сейчас Волга совершенно не такая.

Ю.С.: А какие-то парусные в то время были?

Б.Р.: Парусные? Нет, Волга была узкая, негде там было развернуться, и мелко, это же не водохранилище. Что касается баржи. Как нашу баржу транспортировали? Ее транспортировали тремя способами. Первый способ, когда ее отдельно вел какой-то маленький буксир. Вот наша баржа на буксире, длинный трос тянется. У нас была рубка капитанская, в ней стоял шкипер. На барже был шкипер и его жена, ее звали Августа. Наверное, латышка она была. Мне иногда давали штурвал покрутить, когда это не мешало ходу баржи. Мне это очень понравилось. И быть на капитанском мостике, в рубке — восхитительно. Это первый способ.

Другой способ — с караваном барж. Баржи были деревянные, в конце у них, на хвосте, были гигантские рули, огромные, высотой с двухэтажный дом, но они были так закреплены, что один человек мог их легко повернуть, и я тоже их вращал. Несколько барж, которые в плане имели форму сигарообразную, треугольную — это караван, караван барж. Нашу пассажирскую баржу зажимали между грузовыми баржами. Они были из-под муки, на юг шли пустыми. Все они пахли мукой, везде мука была под ногами.

Я ходил по этим баржам, ходил по этим трюмам деревянным, по деревянным лестницам. Покидал свою баржу, когда она близко сходилась с соседней баржой, грузовой, меня матросы перекидывали на руках, и я там один ходил по этим баржам, залазил в разные трюмы, часами там гулял, родители не очень обо мне беспокоились. Однажды, когда я возвращался домой, на свою баржу «Немирович-Данченко», между нашими баржами было очень большое расхождение, метра полтора воды. Пришлось дожидаться, когда они сблизятся, потом меня на руках, видимо, перетащили. Однажды я стоял на палубе и что-то рисовал с помощью красок. Рисовал я единственный предмет, который мог рисовать, а именно дом, с крышей, на крыше труба, а из нее дым, больше ничего. Налетел ветер, и этот мой рисунок унес, унес на соседний пароход, где была публика.

Мы иногда ходили в гости на соседние пароходы. Дело в том, что пароходы, помните вы или нет, они же причаливали кучами к пристани, и надо было проходить через другой пароход. Так что мы приходили в гости к кому-то на пароходы, видели каюты первого класса, очень хорошие. Там были два элитных парохода, возможно, они были уже теплоходами — «Одесса» и «Карл Либкнехт». Да, они точно были дореволюционной постройки. Как они назывались до революции, не знаю. Кажется, «Одесса» отличалась тем, что там вместо коек нормальных были никелированные кровати. Это считалось шиком. Конечно, салоны, фикусы в кадках (сохранились фотографии), диваны, покрытые кожей, эти запахи, всё такое. Некоторые кинофильмы снимались — по пьесам Островского — на таких пароходах.

Так что это был целый мир, два месяца. Арбузы, огромные кучи арбузов, которые с юга везли, из Астрахани. Тогда же были настоящие арбузы. Ульяновск, гористые такие улицы, посетили Дом-музей Ленина. Меня поразило, что рядом река Свияга, которая течет многие сотни километров параллельно Волге, но в обратном направлении. Вам это известно, да? Ну вот. Это все, конечно, для моей географии. У меня уже тогда начались детские фантазии, которые сопровождали меня всю свою

жизнь, они не исчезли до сего дня. Можно об этом?

Ю.С.: Да, конечно.

О своем воображаемом мире

Б.Р.: У меня начал появляться параллельный воображаемый мир, в котором я играл роль, разумеется, доминирующую. Сначала это был такой мир. Три действующих лица: некий хозяин, потом... Кстати, я об этом рассказываю впервые в жизни, то, что сейчас говорю, я еще никому в жизни не рассказывал. Возможно, что это какой-то параноидальный бред. Говорят, что у настоящего параноика есть бред, который с ним всю жизнь существует, и он никому, никому о нем не рассказывает. А я впервые, значит, рассказываю именно сейчас. История этого бреда такая. (Он зародился на Волге.) Есть какой-то хозяин, видимо, это я. И какой-то есть Энциклопедский, это при нем профессор, такой консультант научный. И есть еще Телескопщик — действующее лицо. На Воробьевых горах стоял телескоп, мы в него смотрели на Москву, мне это тоже запомнилось на всю жизнь. Вот таких три персонажа. Потом, какие-то там самолетчики, почему-то я вспоминаю утес. Но потом это преобразовалось в следующий бред.

Следующий бред был такой, что есть Великий Волшебник — это я.

Короче говоря, я с детства решил стать богом, просто с детства, с самого раннего, и мне больше никакие боги не были нужны.

И, конечно, я строил свой воображаемый мир. В этом воображаемом мире должны были быть свои государства, причем экспериментальные государства, сначала маленькие. Я обустроивал разный государственный строй. Причем интересно, что у меня в основном в мечтах была демократия, но как это сочеталось с тем, что я все-таки там монарх главный. Впоследствии я стал признавать, что это противоречие неразрешимое. В общем, в этом воображаемом мире я расправляюсь со своими врагами, но ни для кого казни не было предусмотрено, а скорее только запугивание. Попугать немножко и отпустить.

Я думал о том, что делать с родителями. Я, конечно, буду бессмертным, потом дам бессмертие некоторым людям. Но опять же, ведь это обидно: одни стали бессмертными, другие нет. Где я поселю своих родителей? Я их не очень, так сказать, любил, и решил построить для них скромный дворец, где бы они жили всю жизнь и меня не беспокоили. Вот такие интересные фантазии. И в этом мире у меня были действующие лица и попытки чертить географические карты всех этих стран. В этом мире, собственно говоря, я и прожил большую часть своего детства, что вполне естественно. Думаю, это сыграло положительную роль.

Возвращение в Москву из Сталинграда

Это первое яркое путешествие закончилось в Сталинграде. Почему не в Астрахани? С моим отцом случилось несчастье: он наткнулся левым глазом в темноте на проволоку, когда проходил за кулисами. Что-то там стояло, какие-то проволоки, бутафорская пальма. Это было ужасно! Сначала ничего, он думал, всё пройдет, потом с глазом стало очень плохо. Это я сейчас описываю 38-й год. В 38-м году мы закончили наше путешествие в Сталинграде. Почему не поехали дальше? Может быть, отец беспокоился за свой глаз, ему, видимо, нужна была операция. Но Астрахань я тогда не видел.

Что мне запомнилось в старом довоенном Сталинграде? Мне запомнилось здание универмага в стиле модерн, в котором впоследствии был взят в плен фельдмаршал Паулюс, он был взят в плен в подвале этого универмага. Мы в этом универмаге купили лампу, которая называется «Синий свет». Видели, да? Такая деревянная ручка, и туда синяя лампа вставляется. Эта лампа у меня была до 2000-го года, пока моя жена Таня не выбросила ее без моего ведома. Там мы сели на поезд, который назывался «ускоренный». Да, еще помню, в магазине купили шоколадное масло, я впервые его попробовал.

Мы сели на поезд. Уже начались дожди, помню это черноземье, поля под пасмурным небом, под дождем. Но в Москву приехали числа, наверное, пятого октября, в замечательную погоду — антициклон, и на Казанском вокзале сели на извозчика. Как сейчас слышу цоканье копыт, расстояние всего два километра, доехали до своей квартиры. Это была последняя в моей жизни поездка на извозчике в качестве городского транспорта. Больше никогда. До войны они еще удерживались, потом лошадей съели, и больше они не возвращались на московские улицы.

На легковых автомобилях до восемнадцати или, может быть, до двадцати лет я ездил всего четыре раза. Всего четыре раза, каждый раз на автомобиле новой марки: «Форд», «Паккард», «ГАЗ» и «ЗИС». Первая поездка на автомобиле была в 37-м году, когда на машине марки «Форд» мы в Конотопе вместе с местной публикой отправились на пикник. Это был «Форд». Когда был «Паккард», я уже не помню. На автомобиле «ЗИС» мы ездили на Курский вокзал. Всего четыре раза. Каким это было событием!

Еще немного остается рассказать о путешествиях. Был 38-й год, когда мой отец был актером Театра речного транспорта. Потом ему сделали операцию, глаз у него один удалили. Операцию делали в московской глазной лечебнице, которая тогда выходила фасадом на улицу Горького, ее потом передвинули. Ведь немногие помнят, что в Москве (вам это известно?) была целая эпопея по передвижке домов?

Ю.С.: Я помню передвижение одного дома.

Б.Р.: Не понимаю, почему сейчас этим не занимаются. Очень аккуратно дома передвигались, но самым чудом была передвижка глазной больницы, которая не просто параллельно самой себе, а была повернута под углом 90° и удалена

в переулочек на значительное расстояние. Там моему отцу очень известные врачи, профессора, сделали операцию, после чего он стал как бы не совсем пригодным для профессии актера и все больше превращался в чтеца. А жизнь свою он закончил руководителем кружков драматических. С театром, видимо, он уже после войны распрощался. Вот так у нас 38-й год закончился.

Путешествие по Днепру и Черному морю

Теперь 39-й, я еще дошкольник. 39-й год, и к этому времени отец — актер театра, но уже не речного транспорта, а водного. То есть объединили министерства морское и речное, не министерства, а наркоматы. Таким образом, отец оказался правообладателем бесплатного проезда на морском транспорте, а не только на речном. И этим мы сразу же воспользовались. После того как мы пол-года прожили в Лубнах, у родственников моей мамы, за нами приехал отец, привез нас на этот раз в Киев. И там мы совершили чудесное путешествие по воде. По Днепру до Херсона, потом по воде от Херсона до Одессы, и потом от Одессы до Батуми и от Батуми до Феодосии. Это в 39-м году.

Я помню каждый день этого путешествия! Как сейчас помню каждое утро и каждый вечер, хотя, конечно, не все события. В Киеве я был проездом. Что меня там поразило? Гористый рельеф, памятник Святому Владимиру с крестом, трамвай синего цвета внизу, желтые сверху. Желтые они всегда были сверху, а внизу синие. Очень сельский ландшафт, потому что около вокзала железная дорога как бы немного идет на юг, потом опять как бы приближается к центру на эту гору. Тогда был совершенно сельский ландшафт, такие красивые хаты, и эти голубые трамваи, которые среди них ходят. Все это было замечательно! Хотя мало что, конечно, видели в Киеве.

Потом сели на пароход. Пароход был маленький, не такой, как на Волге, Днепр все же меньше. Он был одноэтажный, однопалубный, посередине столовая—кают-компания. То есть такой веретенообразный в плане пароход. Он имел большое расширение в середине, и там, между каютами, помещалась большая кают-компания, она же столовая, ресторан, в котором нас кормила местная кухня. Но тут я, по-моему, заболел, оттого что съел немых абрикосов. Помню, когда наш пароход стоял в Запорожье, вызывали врача ко мне, врач меня смотрел. Но перед этим мы же проезжали ДнепрогЭС. Так как я был больным, мама меня закутала в одеяло и вынесла, я любимый ДнепрогЭС увидел своими глазами.

Потом в Херсоне была недолгая пересадка. Нам нужно было идти ночью от Херсона до Одессы: вечером мы выходим и ночью приходим в Одессу. Тут первое знакомство с морем. В пять утра мама меня разбудила, в одеяле поднесла меня к иллюминатору. Вот так я впервые увидел море. Солнце всходило. Потом Одесса, конечно, произвела огромное впечатление. Помню опять же там трамвай, с перекидывающимися спинками, спинки перекидываются, чтобы пассажиры всегда сидели лицом вперед. Очень здорово! Это в зарубежных вагонах и сейчас есть, у нас это никому сейчас не нужно, вон и «Сапсан» сейчас ходит без этого. Не понимаю, это же всегда было, очень просто делается: диван один, и так перекидывается спинка, деревянная, правда.

По Одессе немножко поездили. Потом теплоход «Грузия». Теплоход «Грузия» тоже, конечно, был сделан не в нашей стране. По-моему, он был немецкого происхождения или в Дании был сделан, но это все можно выяснить. Теплоход «Грузия» — это целый мир! Дело в том, что мой отец как работник Театра водного транспорта пользовался привилегиями. Мы ехали во втором классе, но нас принимал, моих родителей, капитан по фамилии Дефонсо, а завхозом был Ибрагимов. Питались мы в ресторане, прекрасно, в судовом ресторане. Моим любимым блюдом был шницель рубленый, а также суп-пюре томатный. Не могу сказать, чтобы меню было таким уж богатым, я ничего, собственно, кроме этого не помню. В конце каждого меню была надпись «Капитан Дефонсо, завхоз Ибрагимов». Моя мама, как смазливая женщина, пользовалась каким-то вниманием то ли капитана Дефонсо, то ли завхоза Ибрагимова, не помню.

” В общем, это была роскошная жизнь для нас, людей бедных. Для моей мамы тоже, конечно, для нее это были самые счастливые дни жизни, эти поездки на баржах и теплоходах. Для домашней хозяйки, задавленной ежедневным... Все это было чудесным, и мама выглядела лучше, тогда ей было сколько лет? Она 1897 года, а это у нас год 39-й, значит сорок с чем-то. Вот так, значит, мы и шли. Я все это помню.

Помню, как утром подошли к Севастополю. Севастополь был закрытый город, туда нельзя было высаживаться, но я видел его издали. А потом вечером мы пришли к Ялте, теплоход стоял на рейде, в Ялте не было причала тогда никакого. Пришли в Феодосию. Видимо, нас тут утром навещал дядя, нам еще рано было к нему. Дальше наш теплоход пошел вдоль Черноморского побережья, я помню издали Гагры, я впервые увидел горы, потом я их стал рисовать, вот так примерно (*изображает и показывает листок с рисунком*), значит, одна за другую. Мне очень понравились Гагры. Опять же в Гаграх мы не приставали к берегу, на рейде стояли, и катера людей забирали, не было порта там. Но все это, весь аромат этой растительности, эти горы... Мама тоже заочно влюбилась в Гагры, в Абхазию, где, конечно, она никогда не была ни до этого, ни после.

В Сухуми мы вышли днем, ходили по набережным, там финиковые пальмы росли. Это уже субтропики были. Я был очень чуток к субтропикам, прекрасно понимал, что в нашей стране очень мало субтропиков, они все на вес золота. А на следующее утро мы пришли в Батуми.

В Батуми нам предстояло просидеть весь день, с утра до вечера, пока на теплоходе будет идти уборка, и будут готовиться к обратному рейсу. Мы с теплохода вышли, может, вещи на нем оставили, а отец, как более бывалый человек, нам объяснял, что мы видим вокруг. Батуми был город очень экзотический. Начнем с того, что у причала стояли турецкие суда, я впервые увидел турецкий флаг с полумесяцем. Потом видел женщин, которые носили паранджу, и отец нам рассказывал, какой национальности все эти люди, которые мимо нас идут. Они были самые разнообразные, очень колоритные, не то, что сейчас, в многонациональных одеждах. Потом на пляже я видел какого-то человека не совсем европейского вида

в очень оригинальных плавках, которые я никогда не видел раньше. У него сзади все было голо, то есть зад был полностью голым, а только спереди... Это напоминает то, что сейчас называется стринги. Потом в каких-то книгах по народоведению, этнографии, я видел, что это очень распространенный вид одежды в Африке. Так что Батуми мне казался уже совершенно тропическим городом.

Вечером, еще было светло, наш теплоход стал отходить обратно, в сторону Одессы. Это был август, видимо, начало августа 39-го года. Мы были свидетелями душераздирающей сцены. Тогда шел процесс выселения или депортации греков. Вот каким образом: грекам всем было сказано: альтернатива — принять греческое гражданство и покинуть СССР, либо оставаться в СССР в советском гражданстве. Что стало потом с теми, кто остался в СССР в советском гражданстве, ясно, их ждала депортация. Они были в душераздирающем положении, люди, понтийские греки, которые всю жизнь там жили, они там родились. Как наши казахстанские немцы, наши немцы в Казахстане, они же немцы, но в то же время и русские люди. То же можно сказать о понтийских греках. И вот некоторые уезжали... Помню, как одна женщина, старшего поколения, она не уезжала, но кричала, рыдала. Когда теплоход отходил, ее несли на руках, и она рыдала. Это мне запомнилось на всю жизнь, эта душераздирающая сцена. Потом, когда бывали в Греции, мы видели много потомков этих понтийцев. Потому что когда мы путешествовали по Греции два года назад, не было никакого острова, никакого города, где бы мы не встретили людей, которые говорили с нами по-русски, нигде. Все это были эти люди. Одного встретили грека, который всю жизнь, тридцать лет, прожил в Костроме, а теперь живет в Салониках.

Тут, к слову, хочу сказать, если вам интересно, как мы жили в 37-м году, как мы ощущали репрессии. В общем, могу сказать, наша семья их не ощущала. По трем причинам. Во-первых, они не коснулись нашей семьи. Во-вторых, те, кто знал, об этом помалкивали... В третьих, ребенку об этом никогда никто ничего не говорил. Потом, уже позже, гораздо позже, уже, видимо, после смерти Сталина, когда какой-то разговор в семье зашел, мама сказала: «Знаешь, в то время всех сажали», вот и всё. Или потом говорит: «Да, его посадили». Ну да, вот посадили, и не более того. Что касается отца, то на вопрос, как обстояло дело с Мейерхольдом и с его театром, он мне, уже взрослому человеку, почему-то сказал, что разогнали за гомосексуализм. Так что эта тема была приглушенной, мы практически об этом ничего не знали, хотя, конечно, родители что-то знали.

Ю.С.: А в газетах?

Б.Р.: В газетах? Нет, то, что писали газеты, мы так и воспринимали, конечно, но газеты же не всё писали. То, что писали в газетах, разумеется, мы читали каждый день и воспринимали так же. Но в нашей семье мы это не обсуждали, никакой особенной пропаганды не было. Моя мама была яркой сторонницей советской власти и коммунизма, она слушала радио, но, опять же, она никого не терзала, ни на кого не нападала. Отец, можно сказать, был сдержан и помалкивал более-менее, он был в этом отношении культурней и мягче. Личная жизнь моих родителей мне была мало известна.

О жизни в Феодосии

Значит, мы прервались на том, что в 39-м году я видел душераздирающую сцену прощания понтийских греков. Потом мы пошли уже известной мне дорогой, но в другое время суток, что очень важно для осмотра, и пришли в Феодосию. Феодосия — тоже счастливый период моей жизни. Мы поселились во дворе дяди, который жил, как известно, рядом с домом Айвазовского. Там был двор, было много детей, там в медных тазках, латунных, варили варенье. В Феодосии мостовые улицы имели профиль такой (*показывает*), они сужались к центру, к середине. И когда шли дожди, сразу, мгновенно, с гор огромные потоки воды на город, и поперек проезжей мостовой прокладывались деревянные досточки, по ним люди переходили. Это был первый город, по которому я самостоятельно мог ходить, без родителей. (Возвращаясь к воспоминаниям о Конотопе, это был тоже маленький город, да, где я без родителей мог идти от дома бабушки до дома тети — километра два). Здесь я уже мог блуждать один, как мне нравилось, как я хотел, по всему городу на большие расстояния. Мама, папа обо мне не беспокоились. Даже было так: папа, видимо, нас покинул, отпуск у него кончился, поэтому я остался с мамой, и мы жили при ее брате. Значит, мама обо мне не беспокоилась. Теперь, какая была светская жизнь в Феодосии? Вы были в Феодосии?

Ю.С.: Нет.

Б.Р.: Феодосия очень интересна тем, что когда смотришь на море, думаешь, что у тебя за морем Турция. На самом деле за морем Москва, потому что там все наоборот. Я до сих пор никак не могу смириться с тем, что в Феодосии так расположен залив: море находится к северу, именно строго к северу, а к востоку находится полуостров, на котором генуэзская башня. За этим полуостровом уже район Коктебеля начинается.

В Феодосии мы с мамой иногда ходили обедать в ресторан «Астория». Там я ел свой шницель любимый с вермишелью, суп томатный пюре, а потом мы ходили есть чебуреки. Чебуреки восхитительные! Никаких настоящих чебуреков сейчас больше нет. То, что сейчас подают, это гадость. Тогда в Крыму были настоящие татары, и они делали настоящие чебуреки, никто уже сейчас не может сделать их такими вкусными. Запивали их бузой. Буза — это напиток типа айрана или кумыса, достаточно крепкий, не менее алкогольный, чем пиво. Ходили мы на пляж, разумеется, на женский пляж, там купались все голыми. Есть фотография моя 39-го года, я, может, ее потом покажу, сейчас сразу не найдешь. Нет, можно показать: вот я на пляже, такой худой. Еще там был павильон «Соки-воды», тогда было принято пить газированную воду с сиропом. Соков как таковых мы, по-моему, не пили тогда, или нам они были недоступны. Вы помните, когда много было газированной воды, и с сиропом? Кроме того, что на улице тележки, еще был павильон, где двадцать сортов сиропов.

Двадцать сортов сиропов, можно было двойной взять сироп, и газированная вода. Мне больше всего нравился сироп «Свежее сено». Не могу сказать, что он был вкуснее остальных сиропов, но меня привлекало именно его экзотическое название. Точно могу сказать, что это не химия, не синтетика, это что-то все-таки натуральное.

Еще тогда мода была такая: все носили трости, палочки такие. Все ходили с палками, по-моему, не бамбуковыми, а из каких-то местных пород. Я тоже умолял маму, чтобы она мне купила, никак не мог себя представить без такой палки. Ну, купила она, но через некоторое время какой-то прохожий у меня ее выхватил, отнял, и всё. Тогда это было распространено. Например, ты сидишь около выхода в автобусе или в трамвае, человек с тебя шапку снимает и убегает с ней. Если шапка дорогая, то лучше в ней не ездить в общественном транспорте, обязательно отнимут, иногда из хулиганства. Были такие случаи, что к тебе подходит хулиган или вор, и просто у тебя что-то отнимает. Ну вот. Потом там продавались ракушечные коробочки, у меня все это есть, сейчас мог бы их показать. Приходилось такие видеть?

Ю.С.: Пожалуй, нет.

Б.Р.: Я в нее вложил свою первую коллекцию монет, потому что первую монету — полушку тысяча семьсот какого-то года, российскую, я откопал, в каких-то руинах она валялась, в городе Лубны, там же и пятачок тысяча восемьсот какого-то года. Потом у меня уже появилась коллекция монет...

Значит, дожди, которые текут, потом на горах в Феодосии есть камни такие, сложенные, где генуэзцы собирали росу, получали питьевую воду. Но, правда, с этим я познакомился позже, когда бывал не раз в тех местах. В детстве я этого не видел. В детстве я помню дожди, пляж, эти ракушечные коробочки, некоторые улицы. Потом наступили холода, уже девятого, что ли, или седьмого октября, помню, уже пар изо рта шел, семь градусов было. И мы покинули Феодосию, поехали в Москву в мягком вагоне, который, конечно, нам по протекции дядя достал. В этом вагоне с нами ехал еще какой-то писатель, он меня по головке гладил. Тогда я очень любил ездить по железной дороге, как и сейчас. Но моим мучением был уголь, который летел из паровой трубы, потому что я всегда открывал окно, всегда высовывался. И кончалось это обязательно тем, что в глаз попадал уголь, очень неприятно. Вам не приходилось с таким?..

Ю.С.: Приходилось.

Б.Р.: Видите как. Все-таки, хотя люди разного поколения...